

Практика Европейского Суда по правам человека

Извлечения из постановлений

В постановлении по делу "Ершова против России" от 8 апреля 2010 г. Европейский Суд по правам человека (далее - Европейский Суд) признал нарушение ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция) и ст. 1 Протокола N 1 к Конвенции в связи с неисполнением решений суда о взыскании с муниципального унитарного предприятия и ликвидационной комиссии муниципального унитарного предприятия в пользу заявительницы задолженности по заработной плате и компенсации морального вреда.

Обстоятельства дела: заявитель являлась сотрудником муниципального унитарного предприятия. В августе 2000 г. была уволена. Решением от 7 декабря 2000 г. городской суд восстановил заявителя на работе и взыскал с предприятия задолженность по заработной плате за время вынужденного прогула.

"В определенный момент Комитет по управлению муниципальным имуществом при Администрации города_ изъял муниципальное имущество, закрепленное за предприятием, и передал его в ведение вновь созданного муниципального унитарного предприятия_", предназначенного для выполнения той же задачи - поставки тепловой энергии, осуществлявшего те же функции и зарегистрированного по тому же адресу. 16 января 2001 г. глава Администрации города принял решение о ликвидации предприятия в связи с убыточностью и созданием ликвидационной комиссии.

14 июня 2001 г. заявитель была уволена во второй раз. 3 декабря 2001 г. "_ городской суд удовлетворил иск заявителя и взыскал с ликвидационной комиссии предприятия компенсацию_".

25 февраля 2003 г. заявитель обратилась в суд с требованием о замене должника и привлечении к субсидиарной ответственности Администрации города. 10 июня 2003 г. городской суд требования заявителя отклонил.

По утверждению заявителя, решения городского суда от 7 декабря 2000 г. и от 3 декабря 2001 г. не исполнены.

Позиция Европейского Суда: "Принимая решение о том, следует ли ответственность за действия или бездействие муниципального предприятия возлагать в рамках Конвенции на соответствующий орган муниципальной власти_", Европейский Суд учитывает "_такие обстоятельства, как юридический статус предприятия, права, которые предоставляются ему таким статусом, характер деятельности, которую оно осуществляет, и фактическую ситуацию, в рамках которой такая деятельность ведется, а также степень его независимости от органов власти_ обладало ли предприятие достаточной организационной и управленческой независимостью от государства, чтобы освободить последнее от ответственности в рамках Конвенции за действия и бездействие предприятия_".

Европейский Суд отметил, что "_юридический статус предприятия согласно внутригосударственному праву хотя и имеет важное значение при определении того, несет ли государство ответственность за действия или бездействие предприятия в рамках Конвенции, однако не является решающим фактором_ Соответственно, внутригосударственный правовой статус предприятия как самостоятельного юридического лица сам по себе не освобождает государство от ответственности по долгам предприятий в рамках Конвенции".

Применительно к обстоятельствам данного дела Европейский Суд "_ с учетом, в частности, публичного характера деятельности предприятия, существенной степени контроля за его имуществом со стороны муниципальных органов власти и решений последних, приведших к передаче вышеназванного имущества и последующей ликвидации предприятия_", пришел к заключению, "_что предприятие не обладало достаточной организационной и управленческой независимостью от муниципальных органов власти. Соответственно, вне зависимости от статуса предприятия как самостоятельного юридического лица, муниципальные власти, а следовательно и государство, должны быть в рамках Конвенции признаны ответственными за его действия и бездействие _".

Суд пришел к выводу, что "Поскольку задолженность предприятия была признана относимой на счёт государственных органов власти, они должны были обеспечить своевременную и надлежащую уплату задолженности по решению суда. Хотя

процедура ликвидации и может являться объективным обоснованием некоторых ограниченных по времени задержек в исполнении судебного решения, продолжающееся неисполнение вынесенных в пользу заявителя судебных решений на протяжении семи или восьми лет едва ли может быть признано обоснованным в любых обстоятельствах".

Жалоба N 1387/04

В постановлении по делу "Федченко против России" от 11 февраля 2010 г. Европейский Суд признал нарушение ст. 10 Конвенции в связи с ограничением права заявителя на свободу выражения мнения.

Обстоятельства дела: решением районного суда удовлетворен иск депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации к заявителю - редактору периодического издания о защите чести, достоинства и деловой репутации. Районный суд пришел к выводу, что "... статья _ в целом, а так же отдельные фразы и слова (предмет спора) в ней, свидетельствуют об отрицательных суждениях и содержат прямые эмоциональные суждения, представляющие оскорбительные нападки, и косвенные суждения".

Позиция Европейского Суда: "Согласно п. 2 ст. 10 Конвенции, право на свободу выражения применяется не только к "информации" или "идеям", которые благоприятны или считаются не оскорбительными, но также к сведениям, которые являются оскорбительными, шокирующими или причиняющими беспокойство_ Право на свободу выражения мнения включает в себя, помимо всего прочего, право на добросовестное распространение информации по вопросам, представляющим общественный интерес, даже когда это дискредитирующие утверждения о частных лицах_".

Европейский Суд отметил, что "Хотя пресса не должна выходить за определенные рамки, особенно что касается репутации и прав других лиц, ее обязанность, тем не менее, заключается в распространении - способом, совместимым с ее обязательствами и ответственностью - информации и идей по всем вопросам, представляющим общественный интерес. Свобода журналиста предусматривает также некоторое преувеличение или даже провокацию_".

"_Пределы приемлемой критики шире в отношении политика, чем в отношении частного лица".

Европейский Суд пришел к выводу, что "_национальные суды признали заявителя ответственным не за "сведения"_ а за язык и стиль, который он использовал _перешагнули узкие рамки свободы усмотрения, предусмотренные для ограничений в дебатах, представляющих общественный интерес, и что вмешательство было несоразмерно преследуемой цели, и не являлось "необходимым в демократическом обществе".

Жалоба N 33333/04

В постановлении по делу "Хаметшин против России" от 4 марта 2010 г. Европейский Суд признал отсутствие нарушения пп.1 и 3 (d) ст. 6 Конвенции, признав соблюденным принцип справедливости процесса при рассмотрении уголовного дела в отношении заявителя.

Обращаясь в Европейский Суд с жалобой на отсутствие справедливого разбирательства, заявитель, в частности, указывал на тот факт, что в ходе уголовного судопроизводства ему не была предоставлена возможность допросить свидетелей - сотрудников милиции.

Позиция Европейского Суда: "_использование в качестве доказательства показаний, полученных на стадии дознания и судебного разбирательства, само по себе не противоречит пп. 1 и 3(d) ст. 6 Конвенции при условии соблюдения прав защиты_". "_Ст. 6 Конвенции ни по букве, ни по духу не препятствует лицу добровольно отказаться, открыто или неявно, от права на гарантии, предусмотренные настоящим положением_ Однако, для того чтобы являться действительным, с точки зрения Конвенции, такой отказ должен быть осуществлен недвусмысленно выраженным образом_".

Европейский Суд установил: "_приняв во внимание отсутствие сотрудников

милиции, судья _ согласовал со сторонами вопрос о принятии в качестве доказательства показания сотрудников милиции, данных ими при производстве предварительного расследования. Как следует из протокола судебного заседания, как прокурор, так и заявитель согласились с оглашением досудебных показаний сотрудников милиции".

Применительно к обстоятельствам данного дела Европейский Суд пришел к выводу, что "_заявитель, избравший самостоятельное представление своих интересов в суде, был обязан принять взвешенное решение относительно необходимости допроса сотрудников милиции на открытом заседании суда. _Заявитель явно отказался от своего права допросить сотрудников милиции. В указанных обстоятельствах дела отсутствует какое-либо основание полагать, что заявитель не был в достаточной мере проинформирован о последствиях своего согласия с оглашением показаний сотрудников милиции, полученных в ходе предварительного расследования_"

Жалоба N 18487/03

В постановлении по делу "Озеров против России" от 18 мая 2010 г. Европейский Суд признал нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в связи с рассмотрением уголовного дела в отношении заявления без участия прокурора.

Передавая уголовное дело в отношении заявителя в районный суд, городская прокуратура "_ходатайствовала о том, чтобы дело рассматривалось с участием прокурора. Судья определил, что разбирательство должно проходить с участием государственного обвинителя_ Тем не менее, районный суд решил провести заседание в отсутствие прокурора. _ Районный суд зачитал обвинительное заключение, предоставленное прокуратурой _ заслушал заявителя _ потерпевших и других свидетелей. В частности _ на свое собственное усмотрение вызвал и допросил Ю., который дал показания, уличающие заявителя, и на которых районный суд в дальнейшем основывал свое постановление".

"Фактически, совокупность доказательств, которую суд положил в основу обвинительного приговора заявителя, была изменена, так как суд получил новые инкриминирующие показания, действуя по собственной инициативе, и отклонил некоторые доказательства прокуратуры, поддерживающие обвинения в заключении, и все это без прокурора, который мог бы высказаться в отношении этих изменений".

Позиция Европейского Суда: "_рассматривая дело по существу, и вынося заявителю приговор в отсутствие прокурора, районный суд смешал роли прокурора и судьи и, таким образом, создал основания для обоснованных сомнений в его беспристрастности".

Жалоба N 64962/01

В постановлении по делу "Сабилов против России" от 11 февраля 2010 г. Европейский Суд признал нарушение пп. 1 и 3 (с) ст. 6 Конвенции в связи с необеспечением права заявителя на защиту при рассмотрении уголовного дела заявителя судом кассационной инстанции.

17 февраля 2004 г. верховный суд республики провел заседание суда кассационной инстанции в отсутствие заявителя и адвоката, назначенного судом и уведомленного о слушании дела.

Позиция Европейского Суда: "_любой человек, обвиненный в совершении преступления, получает право "защищать себя ... через посредство ... защитника ...". "_ Назначение защитника само по себе _ эффективной помощи не обеспечивает, поскольку адвокат, назначенный для оказания правовой помощи, может не иметь возможность исполнить свои обязанности, либо уклониться от их исполнения. Если власти узнают о такой ситуации, они обязаны заменить адвоката, либо обязать его исполнить вышеуказанные обязанности_".

Европейский Суд подчеркнул, что "_отказ заявителя от права лично присутствовать на слушании дела не освобождает судебные власти от ответственности за принятие мер, необходимых для обеспечения эффективности его защиты".

Применительно к обстоятельствам данного дела Европейский Суд отметил, что "_назначенный государством адвокат_ на заседание_ не явился. А также названный адвокат не обращался к суду за отложением слушания дела, не сообщал суду причин, по которым его явка является невозможной".

Таким образом, по мнению Европейского Суда, "адвокат" свои обязанности по защите заявителя надлежащим образом не исполнил, и факт неисполнения им обязанностей Суду был очевиден. Соответственно, в данных обстоятельствах суд был обязан вмешаться, особенно ввиду присутствия прокурора и его ходатайства о переквалификации обвинений против заявителя".

Европейский Суд пришел к выводу, что "Суд не обеспечил эффективной защиты заявителя назначенным государством адвокатом".

Жалоба N 13465/04

В постановлении по делу "Ходжаев против России" от 12 мая 2010 г. Европейским Судом признано нарушение пп.1 и 4 ст. 5 Конвенции в связи с незаконным содержанием заявителя под стражей и отсутствием у него возможности обжаловать законность применения данной меры пресечения, а также установлено, что в случае экстрадиции заявителя будет иметь место нарушение ст. 3 Конвенции.

Заявитель утверждал, что "в случае экстрадиции в Таджикистан, он, в нарушение ст. 3 Конвенции, будет подвергнут жестокому обращению. Он также утверждал, что российские органы власти не оценили риск применения жестокого обращения, которому он подвергнется в стране, направившей запрос об экстрадиции".

Позиция Европейского Суда: "выдача лица Договаривающимся государством может вызвать вопрос по ст. 3 Конвенции, и, следовательно, привлекает данное государство к ответственности согласно Конвенции, когда предъявлены веские основания для предположения, что, в случае выдачи, лицо, о котором идет речь, в принимающей стране подвергнется реальному риску обращения, противоречащего ст. 3 Конвенции. Установление такой ответственности неизбежно влечет за собой оценку условий в стране, направившей запрос об экстрадиции, на соответствие стандартам ст. 3 Конвенции".

"Поскольку характер ответственности Договаривающегося государства по ст. 3

Конвенции в делах подобного рода состоит в подвергании лица риску жестокого обращения, существование такого риска должно быть оценено приоритетно с учетом тех фактов, которые известны или должны быть известны Договаривающемуся государству на время выдачи_".

Европейский Суд отметил, что "_дипломатические гарантии сами по себе не являются достаточными для обеспечения надлежащей защиты от риска жестокого обращения в ситуации, когда надежные источники сообщают о распространенной, применяемой властями или допускаемой ими практике, которая явно противоречит принципам Конвенции_".

"_Рассматривая жалобы на постановление об экстрадиции_" национальные суды "_лишь отметили, что просьба заявителя о предоставлении ему убежища была отклонена, а его утверждения о преследовании _ по религиозным мотивам являлись необоснованными _ Таким образом, Европейский Суд не имеет возможности прийти к заключению о том, что органы власти Российской Федерации в ходе внутригосударственной процедуры экстрадиции надлежащим образом рассмотрели опасения заявителя в отношении ст. 3 Конвенции".

Европейский Суд пришел к выводу, что "_в течение срока содержания заявителя под стражей до экстрадиции в его распоряжении не имелось какой-либо процедуры судебной проверки законности его содержания под стражей".

В заключение Европейский Суд указал, что "В отсутствие каких-либо решений внутригосударственных судов о продлении срока содержания заявителя под стражей _ с 29 мая 2008 г., то есть через шесть месяцев после дня его помещения под стражу, заявитель продолжал содержаться под стражей в нарушение положений п. 2 ст. 109 УПК. Таким образом_ содержание заявителя под стражей до экстрадиции не может считаться "законным" в значении п. 1 ст. 5 Конвенции".